

© 1992 г. АЛПАТОВ В. М.

«ГРАММАТИКА ПОР-РОЯЛЯ» И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

(К ВЫХОДУ В СВЕТ РУССКИХ ИЗДАНИЙ)

В 1660 г. в Париже появилось первое издание «Общей и рациональной грамматики» Антуана Арно и Клода Лансло, известной в истории науки под названием «Грамматика Пор-Рояля». Это последнее название, однако, не принадлежит ее авторам, но оно настолько срослось с рассматриваемым трудом, что одно из русских изданий просто озаглавлено таким образом, а другое имеет гибридное наименование «Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля» [1, 2]. Грамматика не раз переиздавалась в оригинале, переведена на многие языки, включая японский. Но лишь сейчас она впервые издана по-русски, причем почти одновременно, в конце 1990 г. и в начале 1991 г., появились сразу два ее издания, соответственно в Москве и Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Московское издание включает в себя перевод и комментарии Н. Ю. Бокадоровой, уже ряд лет активно изучающей французскую лингвистику XVII—XVIII вв., и вступительную статью акад. Ю. С. Степанова. Ленинградское издание осуществлялось под руководством Ю. С. Маслова, к сожалению, не дожившего до выхода книги в свет; ему принадлежат перевод (совместно с Е. Д. Панфиловым и М. В. Гординой) и вступительная статья. Переводы выполнялись независимо друг от друга, и в их основу положены разные издания Грамматики (второе в Москве, третье в Ленинграде), имеющие некоторые, но не очень большие различия. Вступительные статьи и комментарии написаны с большим знанием предмета исследования, но имеют несколько разную направленность: в московском издании, особенно во вступительной статье, внимание акцентируется на общекультурологических и филологических аспектах, а ленинградское издание сосредоточено на чисто лингвистической проблематике. В ленинградском издании обширнее комментарии, зато московское издание содержит ценные добавления к тексту Грамматики: отрывки из замечаний к ней Ш. П. Дюкло (XVIII в.) и очерк Н. Ю. Бокадоровой «Традиция издания и комментирования „Грамматики Пор-Рояля“ во Франции».

Оба издания выполнены на высоком научном уровне. Однако у читателя-лингвиста, на которого в первую очередь рассчитаны издания, встает закономерный вопрос: имеет ли книга, появившаяся за 12 лет до рождения Петра I, лишь чисто исторический интерес, или же проблемы, волновавшие ее авторов, продолжают быть актуальными?

«Грамматику Пор-Рояля» один из ее комментаторов справедливо называл «старой грамматикой, долго имевшей плохую репутацию среди лингвистов, но недавно восстановившей престиж, который она имела в свое время» [3, с. 343]. Действительно, эту книгу долго упоминали лишь как образец грамматик, составленных по латинскому эталону. Так писали о ней и крупные лингвисты — О. Есперсен, Л. Блумфилд, Ч. Хоккетт. Как отмечает Р. Лакофф [3, с. 343—344], эти лингвисты скорее всего и не читали Грамматику и судили о ней из вторых рук. Но я несомненно знакомые с ней специалисты оценивали ее не выше. Типично мнение

М. А. Бородиной, которая до появления рассматриваемых нами переводов и комментариев была, насколько нам известно, единственным советским лингвистом, специально изучавшим «Граматику Пор-Рояля». «Грамматика Пор-Рояля» в целом оказывается «довольно примитивной» а ее значение в наше время — «лишь историческое» [4].

Репутация книги резко изменилась в 60-е годы. Важнейшую роль в этом сыграли книги Н. Хомского [5, 6], одна из которых имеется и в русском переводе [7]. Н. Хомский очень высоко оценил Граматику, а свою собственную, уже всемирно знаменитую трансформационную концепцию объявил современной, более эксплицитной версией теории Пор-Рояля [5, с. 39]. Н. Хомскому ответили специалисты по истории европейской лингвистики [3, 8, 9]. Они указывали, что Хомский недостаточно знаком с лингвистической традицией; кроме того, они уточнили место «Граматики Пор-Рояля» среди ее предшественников и последователей, но, как заметил В. А. Звегинцев [10], почти не коснулись главного для основателя генеративизма — актуальности идей XVII в. для современной науки.

«Грамматика Пор-Рояля», ранее бывшая библиографической редкостью (Н. Хомский не смог найти в американских библиотеках ее английский перевод), с 1966 по 1969 гг. была издана, включая репринты, пять раз [11]. Интересно, что часть этих изданий готовилась еще до появления книг Н. Хомского, а о сходстве «Граматики Пор-Рояля» с трансформационной лингвистикой, видимо, независимо от него писал и Р. Х. Робинс [12, с. 125]. Тем не менее именно после Н. Хомского исторически не вполне точный термин «картезианская грамматика» прочно вошел в научный обиход. К сожалению, в содержательном очерке Ю. С. Степанова, где исследуются и влияние идей Пор-Рояля на творчество Ж. Расина, и сходство идей авторов «Граматики Пор-Рояля» с концепцией языка П. А. Флоренского, обойдены споры вокруг этой Граматики в лингвистике 60—70-х годов. При этом имя Н. Хомского упомянуто лишь один раз (на с. 36) по частному вопросу со ссылкой не на него самого, а на его последователя. В очерке Ю. С. Маслова по указанному вопросу сказано больше, но тоже кратко. Ю. С. Степанов разбирает лишь одну из затронутых Н. Хомским идей: о влиянии теории Декарта на ход мыслей создателей Граматики Пор-Рояля. Он считает это влияние очень значительным, следуя тем самым позиции Н. Хомского; точка зрения Ю. С. Маслова на этот счет скорее сходится со взглядами оппонентов Н. Хомского (Х. Орслефф, Р. Лакофф). В связи с этим рассмотрим некоторые из дискутируемых проблем, исходя из текста «Граматики Пор-Рояля» (ссылки и цитаты будут даваться по московскому изданию).

Одним из традиционных обвинений по адресу этой Граматики было отнесение ее к так называемым предписывающим, нормативным сочинениям; в науке XIX и первой половины XX в., когда теоретические и практические исследования строго разграничивались, последние считались принадлежащими как бы к «низшему сорту». В то же время Н. Хомский утверждает, что в «Грамматике Пор-Рояля» нет ничего предписывающего и она имеет только объяснительный характер [5, с. 26]. Между тем истина, как это часто бывает, находится посередине. Безусловно, объяснительный характер книги не вызывает сомнений. Один из авторов Граматики, К. Лансло, в предисловии к ней прямо пишет, что стимулом к ее написанию послужил «путь поиска разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некоторым из них» (с. 69), и называет род подобных исследований «объяснительными» (с. 70). В большей части Граматики такой подход последовательно выдерживается: объяснение языковых явлений преобладает и над их описанием (в Грамматике привлекается материал только тех языков, которые

уже неоднократно описывались ранее), и над установленным норм. Однако это наблюдается не везде. Так, авторы Грамматйки дают явно прескриптивные правила употребления французских местоимений 3 л. ед. ч. *il, elle* в разных синтаксических позициях (с. 124—126). В заключение они пишут: «Для того чтобы хорошо говорить по-французски, мы должны всегда помнить описанное правило. Забвение его приводит к ошибкам в речи, если только, конечно, мы не имеем дела с оборотами, узаконенными обычаем, или же с оборотами, где отклонения от этого правила вызваны рядом причин. Господин де Вожла тем не менее этого правила вообще не рассматривал» (с. 126—127). Показателен также раздел «Два случая, когда вспомогательный глагол *avoir* употребляется вместо глагола *être*» (с. 196—201), где постоянны формулировки типа «следует говорить» и авторы спорят со своими предшественниками К.-Ф. де Вожла и Ф. де Малербом о том, какие обороты речи надо «рекомендовать к употреблению». Заметно, что чем более конкретными вопросами французского языка занимаются А. Арно и К. Лансло, тем заметнее предписывающий характер Грамматйки.

Безусловно, каждая лингвистическая традиция вырастает из практических задач и на ранних этапах развивается в тесной связи с ними (подробнее см. [13]). Лишь в рамках европейской традиции в эпоху схоластики стали разграничивать практические и теоретические («философские») грамматик. Традиция «философских» грамматик, не предписывающих и не описывающих, а объясняющих сущность уже известных фактов, продолжала быть живой и во времена «Грамматйки Пор-Рояля», многие ее идеи восходят еще к средним векам, что явно недостаточно учтено Н. Хомским, упоминающим об этом лишь вскользь [5, с. 97].

Однако ситуация изменилась в XVI—XVII вв., когда латинский язык, хорошо описанный еще в античности и требовавший лишь «философского» объяснения, перестал быть единственным объектом исследования. Перенос внимания на новые европейские языки, в том числе французский, был тесно связан с процессом их нормализации, что вновь сблизило языковедение с практикой. Поэтому перед языковедами XVII в. стояли задачи двойного рода. Как указывает Н. Ю. Бокадорова, «перед авторами Пор-Рояля лежало необработанное поле, давшее лишь первые ростки нового стиля» (с. 253), т. е. нормы, особенно стилистические, были не до конца сформированы. Однако задачи установления норм во многом уже были решены предшественниками А. Арно и К. Лансло, прежде всего упоминавшимися выше Ф. де Малербом и К.-Ф. де Вожла. Поэтому авторы рассматриваемой Грамматйки могли в большей мере, чем их предшественники, вернуться к рассмотрению объяснительной грамматик, занимаясь проблемами норм лишь там, где позиция Вожла и др. их не удовлетворяла. Позднее, когда норма французского языка окончательно установилась, теоретические грамматик вновь отделились от практических, ставших чисто учебными.

Другой традиционный упрек «Грамматике Пор-Рояля» — в том, что она якобы описывала все языки по латинскому образцу [14, с. 48]. Наоборот, Н. Хомский утверждает, будто в этой Грамматике «латынь рассматривалась как искусственный и испорченный язык» [7, с. 26]. На деле же «Грамматика Пор-Рояля» отражает переходный этап от следования латинскому эталону к построению теории на основе сопоставления языков; это фактически отмечает Ю. С. Маслов (с. 5).

На ранних этапах развития любой лингвистической традиции ее объектом бывает один язык: язык культуры данного ареала. Для западноевропейского варианта европейской традиции в средние века таким языком был латинский. К своим родным языкам представители традиции того времени, конечно, не могли относиться так же, как античные грамматис-

ты к «варварским» языкам, но они считались «низшими» по сравнению с латынью; недаром употреблявшийся в их отношении термин дал начало слову *вульгарный* в современном значении [Н. Ю. Бокадорова вполне обоснованно отказывается переводить *lingues vulgaires* как «вульгарные языки» (с. 261), что не соответствовало бы оригиналу, где это слово не имеет отрицательных коннотаций, и предпочитает описательный перевод «новые языки»; показательно, что тот же перевод без специальной мотивировки выбрали и ленинградские переводчики]. Средневековые «философские» грамматики опирались исключительно на материал латыни, зафиксированный прежде всего в обширной грамматике Присциана (VI в.).

Эпоха Возрождения привела к расширению языковой базы исследований. Во-первых, были заново открыты забытые в Западной Европе в средневековый период два других культурных языка: древнегреческий и древнееврейский. Во-вторых, иначе начали осознаваться «вульгарные» языки, на которых стала создаваться великая литература. Все это привело к идее многообразия человеческих языков и необходимости их сопоставления, что, как мы уже писали [13], было великим достижением европейской традиции, рубежом, который ни одна другая традиция не смогла самостоятельно преодолеть.

Во времена «Грамматики Пор-Рояля» этот рубеж уже был пройден, хотя и не полностью. В ней наряду с латынью постоянно рассматриваются древнегреческий, древнееврейский, родной для авторов французский, родственные ему испанский и итальянский языки. Изредка упоминаются еще «северные», т. е. германские, языки. Говорится и о «восточных» языках, для которых характерно совпадение основы глагола с формой 3 л. (с. 158); по мнению Н. Ю. Бокадоровой, здесь помимо древнееврейского еще имеется в виду арамейский (с. 264), а по мнению ленинградских комментаторов, те же языки плюс арабский (с. 6). Особо ни один индоевропейский язык, кроме древнееврейского, нигде не упомянут. С современной точки зрения, количество привлеченных языков и, главное, языковых типов здесь невелико. Н. Хомский считает, что авторы Грамматики проявляют «мало интереса к накоплению данных» [7, с. 26]. Однако по сравнению с философскими обобщениями на базе одного языка использование материала нескольких языков в «Грамматике Пор-Рояля» было большим шагом вперед.

Все же полного равенства языков для А. Арно и К. Лансло не существовало: помимо игнорирования языков современных нехристианских народов (хотя миссионерские грамматики для некоторых из них уже существовали), и «северные языки», не восходившие к латыни, явно рассматривались как языки второго сорта. Они не входят в основную базу данных, исходя из которой производится обобщения; в тех же случаях, когда об их свойствах упоминается, они рассматриваются как нарушающие законы логики. Показателен раздел о глаголе со значением «иметь» как вспомогательном. По мнению авторов, «его употребление трудно объяснить с рациональных позиций» (с. 189). Далее сказано, что обороты речи с этим глаголом, «свойственные всем новым языкам и, скорее всего, ведущие начало от германцев, являются достаточно необычными уже сами по себе» (с. 190). Таким образом, германские языки трактуются не только как недостаточно логичные, но и как источник нелогичности в романских языках.

Ориентация на латинский эталон во многих местах книги очень заметна, и трудно понять, почему этот язык рассматривается как «искусственный и испорченный» в интерпретации Н. Хомского. Иногда такой эталон выдвигается вполне осознанно, что особенно ярко проявилось в главе «О падежах и предлогах». Авторы Грамматики не могли не видеть, что латинская падежная система не имеет в других языках прямого соответ

ствия: «Из всех языков только греческий и латынь имеют падежи имен в полном смысле этого слова» (с. 106). Однако далее говорится о латинской падежной системе и приводятся не только латинские, но и соответствующие им по значению примеры из других языков, прежде всего из французского. В частности, указывается, что во французском языке вокатив выражается опущением артикля, генитив — предлогом *de* и т. д. Что же касается древнегреческого языка, где падежная система отличалась от латинской отсутствием аблатива, предлагается считать, что «аблатив есть и у греческих имен, хотя он всегда совпадает с дативом» (с. 114). Таким образом, получается, что во всех языках существует одна и та же латинская система падежей, хотя и выражается по-разному; реально эта система устанавливается на основе перевода на эталонный, в данном случае латинский, язык. Такой подход, возникший еще до появления «Грамматики Пор-Рояля», дожил до XX в. (хотя латинский эталон мог со временем заменяться эталоном другого языка, имеющего падежи, например русского). В этой связи интересна, например, китайская грамматика [15] в части, написанной А. И. Ивановым.

Нередко, однако, латинский эталон присутствует и имплицитно. Авторы Грамматики могли просто не осознавать, что описание, выработанное на латинском материале, не вполне подходит для другого языка. Они, например, пытаются строить, исходя из единства письменности единую систему согласных для латыни и «новых» языков, отмечая, впрочем, особо некоторые звуки, отсутствующие в латыни, вроде *sh* (франц. *ch*, с. 76). Даже имеющие особое написание звуки за пределами этого канонического ряда либо выносятся за систему нормальных человеческих звуков как «трудные для произношения» (древнееврейский айф), либо не отделяются от звуков, известных из латинского языка, как «дубль ве» германских языков, признаваемое тем же звуком, что *v*. Французская система гласных и согласных кое в чем отличается от латинской, но многие специфические для французского языка элементы вроде носовых гласных еще не выделены. Как отмечено Н. Ю. Бокадоровой (с. 254), комментатор «Грамматики Пор-Рояля» XVIII в. Ш. П. Дюкло уже описывал французскую звуковую систему более адекватно.

Другой вопрос связан с прилагательными. Трактовка А. Арно и К. Лансло находилась на промежуточном этапе между античной и новой традициями. Согласно первой, существительные и прилагательные объединились в единую часть речи — имя. С XVIII в., однако, существительное и прилагательное различались как две разные части речи. Если в древнегреческом и латинском языках не ощущалось необходимости разграничивать эти слова ввиду морфологической общности (исключая лишь периферийную категорию степеней сравнения), то «новые» языки требовали такого разграничения. «Грамматика Пор-Рояля» содержит компромиссный подход: выделяется только одна часть речи (имя), но имена сразу же подразделяются на два подкласса (с. 93). Указывается на семантические различия этих подклассов, но предпринимается и попытка найти в их значении нечто общее. Поэтому говорится о существовании у слов «ясного» значения, разъединяющего существительные и прилагательные, и объединяющего их «смутного» значения, благодаря которому, например, *rouge* «красный» также «означает „красноту“, неясно указывая на предмет, обладающий этим качеством» (с. 94—95). Безусловно, правомерно искать в этой трактовке глубокий философский смысл, как это делает Ю. С. Степанов (с. 32—34), но, может быть, «ясные» и «смутные» значения, более нигде не появляющиеся в книге, нужны ее авторам лишь для того, чтобы семантически оправдать догматическую идею, согласно которой различие существительных и прилагательных не столь существенно, как различие имен, глаголов, причастий и наречий, и между зна

чекнем двух подклассов имен должна быть глубинная связь. Поэтому отчасти права и М. А. Бородина, видевшая в объединении существительных и прилагательных один из признаков «примитивности» Грамматики.

Однако во многих случаях «Грамматика Пор-Рояля» уже представляет собой значительный отход от латинского эталона. Показателен, например, раздел об артикле: «В латыни совсем не было артиклей. Именно отсутствие артикля и заставило утверждать..., что эта частица была бесполезной, хотя, думается, она была бы весьма полезной для того, чтобы сделать речь более ясной и избежать многочисленных двусмысленностей» (с. 115). Итак, наличие в «новых» языках черт, отсутствующих в латыни, может рассматриваться с точки зрения соответствия языка логике и как регресс (вспомогательные глаголы со значением «иметь»), и как прогресс (артикли). Эталоном в последнем случае явно служит французский язык: «Обиход не всегда согласуется с разумом. Поэтому в греческом языке артикль часто употребляется с именами собственными, даже с именами людей... У итальянцев же такое употребление стало обычным... И мы, французы, иногда подражаем подобному обиходу, но только в именах чисто итальянских... Мы не ставим никогда артикля перед именами собственными, обозначающими людей» (с. 119—120). Можно отметить и короткую главу о наречиях, где, исходя из того факта, что латинские наречия нередко соответствуют сочетаниям имени с предлогом в «новых» языках, делается вывод, что наречие вовсе не обязательно для языка (с. 146). Есть разделы (например, о междометиях), где приводятся примеры только из французского языка.

Итак, «Грамматика Пор-Рояля» далеко не соответствует латинскому эталону, как это утверждали О. Есперсен и др., хотя и не столь свободно от него, как это представляется Н. Хомскому. Отход от латинского эталона мог давать разные результаты. Одним из них иногда становился простой переход к иному эталону, в качестве которого обычно выступал родной язык исследователя. По этому пути пошли в XVIII—XIX вв. авторы большинства практических описаний «экзотических» языков. Поскольку наука XIX в. была исключительно исторической, данный тип описания был единственно возможным, и лишь возвращение к синхронной лингвистике на новой основе в начале XX в. ограничило использование такого подхода областью учебных грамматик. Показательно уже упоминавшаяся нами китайская грамматика [15], где под одной обложкой сосуществуют две эпохи развития науки.

Критикуя описания языков разного строя в категориях какого-то одного языка, будь то латинский, французский или английский, лингвисты XX в. (особенно первой его половины) нередко возлагали ответственность за становление такого типа описания на «Грамматику Пор-Рояля». Но даже отвлекаясь от того факта, что первые миссионерские грамматики появились примерно за столетие до издания этого труда, такое обвинение можно считать верным лишь отчасти. Конечно, как мы видели, авторы Грамматики постоянно обращаются то к латинскому, то к французскому эталону. Это было неизбежно на тогдашнем уровне накопления фактов. Иногда в Грамматике даже не учитываются в достаточной мере известные авторам факты. Хотя неоднократно упоминаются явления древнееврейского языка, включая и явления типа изафета (с. 110), они почти нигде не заставляют авторов как-то изменять общий подход.

Тем не менее концепция «Грамматики Пор-Рояля» далеко не сводится к контаминации латинского и французского эталонов. Неоднократно в Грамматике говорится об общей логической основе языков, от которой конкретные языки отклоняются в той или иной степени. При этом к этой основе один и тот же язык может быть ближе в одном отношении и дальше в другом. Как мы видели, латинский и французский языки оценива-

лись по разным параметрам неодинаково. Иногда более близкими к эталону могли считаться и другие языки, даже восточные: «То, что мы называем третьим лицом глагола, фактически является основой глагола... как это можно наблюдать во всех восточных языках» (с. 158); такой случай, кажется, единственный во всей книге. Однако если эталон для сравнения языков, их логическая основа не совпадает ни с одной конкретной языковой системой, то встает вопрос о том, что же такое эта основа и как она строится. В самой «Грамматике Пор-Рояля» этот вопрос нигде эксплицитно не ставится и ответа на него не дается. Ответить на него попытался (если не считать явно неадекватного ответа у О. Есперсена и др.) лишь Н. Хомский, посетивший, что мы имеем здесь дело с явлением, которое он называл глубинной структурой [5, с. 34; 7, с. 28].

Чтобы разобраться в этом вопросе, надо кратко рассмотреть исторические предпосылки «Грамматики Пор-Рояля». Сама по себе идея о «глубинных», логических основаниях, стоящих за явлениями языка, была для того времени далеко не новой и восходила к средневековым схоластам, прежде всего к школе модистов (XIII—XIV вв.) [16, с. 78—92; 12, с. 74—89]. Не удовлетворяясь чисто описательным подходом к языку, модисты пришли к выводу, что каждое языковое явление должно иметь философское (логическое) обоснование, что структура языка отражает структуру мысли. Тем самым именно они впервые разграничили, выражаясь современным языком, поверхностные и глубинные структуры, а авторы «Грамматики Пор-Рояля» лишь следовали многовековой традиции. Однако поскольку модисты интересовались только одним латинским языком, постулируемое ими соотношение между поверхностными и глубинными структурами оказывалось взаимно однозначным. Надо учитывать и то, что сама логика Аристотеля, на которую опирались модисты при установлении общих категорий, была отражением структуры древнегреческого языка, о чем справедливо писали Э. Бенвенист [17, с. 104—114] и Р. Х. Робинс [16, с. 87], а древнегреческий и латинский языки типологически очень близки. Поэтому в большинстве случаев (исключая синтаксис, в развитие которого модисты внесли большой вклад) авторы «философских» грамматик ограничивались комментированием грамматики Присциана и приписыванием каждому зафиксированному там явлению «глубинного» объяснения. Как указывает Р. Х. Робинс, в чем-то их подход даже был шагом назад по сравнению с античностью, поскольку они старались «философски», а на деле семантически объяснить любое формальное явление, например, род существительных [16, с. 84]. При этом именно модисты выдвинули впервые в мировой науке важнейший тезис о принципиальном единстве языков мира [12, с. 76—77]. Каждый из модистов помимо латыни знал и свой родной язык и имплицитно учитывал это знание, осознавая сходство этого языка с латинским и рассматривая культурно обработанный и детально описанный латинский язык как язык, адекватно отражающий структуру мысли.

Традиция, идущая от модистов, не прерывалась вплоть до написания «Грамматики Пор-Рояля», но подверглась значительной модификации. Н. Хомский считал, что эта Грамматика принципиально отличается от своих предшественниц тем, что появилась после «картезианской революции» [7, с. 30]. Однако его оппоненты вполне убедительно показали, что многое из того, что Н. Хомский считает «картезианством», существовало у грамматистов, работавших до Декарта, особенно у Ф. Санчеса, грамматика которого была опубликована еще в 1587 г. [3, с. 356—363; 8, с. 573]. Как указывает Р. Лакофф [3, с. 347], роль Декарта в формировании идей «Грамматики Пор-Рояля» заключалась прежде всего во влиянии на идейный климат эпохи [ср., впрочем, приводимые в предисловии Ю. С. Степанова (с. 19—20) данные о развитии идей Декарта в других

работах А. Арно]. Но, безусловно, первостепенное значение для авторов «Грамматики Пор-Рояля», как и для их ближайших предшественников, имело осознание того, что латинский язык вовсе не является единственным языком культуры. Старая идея о существовании общей логической основы всех языков не только сохранилась, но и укрепилась благодаря ознакомлению с большим числом языков; однако представление о том, что такая основа является латинской, стало преодолеваться, хотя, как мы видели, далеко не полностью. Поэтому, как указывает Р. Х. Робинс [12, с. 123], авторы «Грамматики Пор-Рояля» уже не стремились найти обоснование каждой детали в грамматике Присциана. Место, занимавшееся ранее латинским языком, не занял в полной мере и французский. Эталон оказался отделенным от конкретных языковых систем, что безусловно сближает «Грамматику Пор-Рояля» с хомскианством.

Сама по себе идея о единой логической основе для языков во времена «Грамматики Пор-Рояля» была столь обычной, что не требовала особых доказательств. Например, в Грамматике говорится о возможности «изменить естественный порядок слов» (с. 209) без доказательств существования такого порядка и даже без его описания. Поэтому и Н. Хомскому, и поддерживающим или критикующим его ученым приходится судить о представлениях авторов Грамматики по косвенным данным, причем наиболее показательными оказываются периферийные с точки зрения самих А. Арно и К. Лансло разделы: об относительных местоимениях, наречиях, о фигурах конструкций, в частности, об эллипсисе и т. д. Ни один современный комментатор «Грамматики Пор-Рояля» не прошел мимо анализа фразы *Dieu invisible a créé le monde visible* «Невидимый Бог создал видимый мир», приводимой авторами Грамматики для объяснения свойств относительных местоимений. В связи с этим они указывают, что придаточное предложение, куда входит относительное местоимение, может составлять часть субъекта или атрибута главного предложения, а это заставляет их перейти к анализу соотношения предложения с суждением. Разбирая в связи с этим приведенную выше фразу, А. Арно и К. Лансло пишут: «В моем сознании проходят три суждения, заключенные в этом предложении. Ибо я утверждаю: 1) что Бог невидим; 2) что он создал мир; 3) что мир видим. Из этих трех предложений второе является основным и главным, в то время как первое и третье являются придаточными..., входящими в главное как его составные части; при этом первое предложение составляет часть субъекта, а последнее — часть атрибута этого предложения. Итак, подобные придаточные предложения часто присутствуют лишь в нашем сознании, но не выражены словами, как в предложении примере. Но часто мы выражаем эти предложения в речи. Для этого и используется относительное местоимение» (с. 130).

Такое высказывание действительно кажется очень современным, если отвлечься от архаических для нашей эпохи терминов вроде «суждение». Авторы «Грамматики Пор-Рояля» здесь четко различают поверхностную и глубинную или, в других терминах, формальную и семантическую структуры. Отталкиваясь от объяснения поверхностных явлений французского языка (в данном разделе Грамматики речь идет только об одном этом языке), они переходят к описанию их семантики, не имеющей прямых формальных соответствий. Еще в XVII в. они пришли к тем же выводам, что и современные лингвисты, указывающие, что в предложении *Невидимый Бог создал видимый мир* содержатся три предиката со своими агентами.

В некоторых других местах книги говорится о синонимах языковых выражений, из которых одно признается более соответствующим логике (хотя остается неизвестным, идет ли речь о полном соответствии), а другое может употребляться вместо него ради «желания людей сократить»

речь» (наречия вместо сочетания имени с предлогом, с. 146) или для изящества речи (добавление излишних по смыслу слов, с. 209). Добавление слов (плеоназм) вместе с эллипсисом и изменением «естественного порядка слов» рассматривается в числе «фигур конструкций», о которых говорится: «По отношению к грамматике они, безусловно, представляют собой ее нарушения, но в отношении языка они выступают его украшением и подчас открывают нам его совершенство» (с. 209—210). При этом и в отношении наречий, и в отношении «фигур конструкций» за исходную принимается структура французского языка: «Наверное, не существует языка, который использовал бы фигуры меньше, чем наш французский язык, ибо он особенно чтит ясность в выражении мыслей, предпочитая обороты наиболее естественные» (с. 211—212). Именно в такого рода высказываниях Н. Хомский видит аналог трансформационных правил [5, с. 35]. Подобный аналог им признается и в связи с трактовкой причастий [5, с. 43]. Конечно, говорить в таких случаях о «трансформационных правилах» — явная модернизация, но определенное сходство здесь есть. Впрочем, о синонимии некоторых исходных и неисходных выражений говорилось тем или иным образом едва ли не всегда. В этой связи можно указать на явление эллипсиса, с античности рассматривавшееся именно так.

Говоря о недостатках «Грамматики Пор-Рояля», Н. Хомский пишет, что в ней нет ясного понимания различия между абстрактной структурой предложения и самим предложением [5, с. 58]. Это, конечно, так. Логическая структура понимается у А. Арно и К. Лансло как языковая, но из известных им структур языков отбираются далеко не все. Какие-либо критерии для отбора определенных структур в грамматике отсутствуют; их авторы скорее всего исходили из интуиции носителей французского языка, кое-где корректируя ее сопоставлением французского языка с другими¹.

До конца XVIII в. традиции «Грамматики Пор-Рояля» оставались актуальными, особенно во французской науке [48]. При этом описание французского языка становилось адекватнее и освобождалось от латинского эталона, а общий подход к языку в своей основе сохранился; это хорошо видно из включенных в московское издание отрывков из сочинения Ш. П. Дюкло. Но открытие санскрита и общее усиление историзма в европейской науке привели к формированию в начале XIX в. новой научной парадигмы — сравнительно-исторической. Идеи «Грамматики Пор-Рояля» временно оказались на периферии языкознания (во Франции меньше, чем в других странах). Ученых XIX в. не удовлетворяли ни невнимание авторов универсальных грамматик к конкретным фактам, ни отсутствие какого-либо историзма в их работах (например, во всей «Грамматике Пор-Рояля» при многочисленных сопоставлениях французского языка с латинским ни разу даже не сказано о происхождении второго от первого; вряд ли А. Арно и К. Лансло этого не знали, но для них это не было существенно, оба языка рассматривались на одной временной плоскости). Идея сопоставления языков в XIX—XX вв. приняла совершенно иной характер и даже типология надолго стала исторической дисциплиной. В большей степени традиции универсальных грамматик переняли практики: педагоги, миссионеры, во многом, однако, упростив их, вовсе перестав отделять, в отличие от авторов «Грамматики Пор-Рояля», универсальные свойства языка от категорий своего родного языка. «Грамматика Пор-Рояля» стала восприниматься сквозь призму такого рода неадекватных описаний, что и привело к ее несправедливым оценкам

¹ Не нашлось таких критериев и в генеративной лингвистике при всем ее формальном аппарате. Едва ли не большая часть работ по конкретным языкам, например, японскому, в рамках этой концепции посвящена спорам о том, какие явления следует относить к глубинной структуре, а какие нет.

у лингвистов первой половины XX в. Новое возвращение к синхронной лингвистике поначалу не привело к оживлению интереса к универсальным грамматикам не только из-за указанного выше изменения в представлениях о них, но и из-за значительно расширившейся базы фактического материала. Стало очевидным, что теория языка не может строиться на материале лишь индоевропейских языков Европы.

В то же время в науке XIX в. и первой половины XX в. во многом установилось представление о тождестве формальных и семантических структур, отчасти произошло (конечно, на более высоком уровне) возвращение к аналогичным представлениям модистов. Н. Хомский излишне категоричен, говоря, будто наука того времени изучала только поверхностные структуры и к языку как средству выражения мысли подходила лишь там, где глубинная структура совпадает с поверхностной [5, с. 51]. Об автономности семантики в том или ином виде говорили многие. Можно вспомнить и идеи О. Эсперсена, и «понятийные категории» И. И. Мещанинова. В некоторых случаях несовпадение формальных и семантических структур было общепризнанным: всегда, например, различали семантические роли подлежащего в активных и пассивных конструкциях. Но мысль о том, что в предложениях *Я читаю* и *Я болею* значение подлежащего неодинаково, часто отвергалась, а у нас после 1950 г. даже признавалась марристской. С другой стороны, каждое формальное явление получало семантическую интерпретацию. А. А. Холодович, вспоминая в 1971 г. свою написанную в конце 40-х годов докторскую диссертацию, указывал: «В диссертации все наши усилия были направлены на то, чтобы „примирить“ синтаксис с семантикой и увидеть за каждым синтаксическим пируэтом его семантический аналог» [19]. Это касалось, конечно, не только синтаксических исследований. Всего несколько лет назад нам пришлось услышать во время обсуждения лингвистической работы в Институте востоковедения АН СССР выступление, где было сказано, что цель семантики — давать соответствующую интерпретацию формальным явлениям языка. При этом не учитывалось, что «обобщенные семантические представления являются лингвистической фикцией — эквивалентом грамматических классов в языковом сознании носителей языка» [20]. Наряду с этим некоторые лингвистические направления, особенно в США, вообще пытались обойтись без семантики.

Независимо от отношения к концепции Н. Хомского, в частности, к понятию глубинной структуры, нельзя не признать, что он был первым ученым, четко и последовательно заявившим об автономии семантического уровня и предложившим разработанный научный аппарат для его описания. И закономерно, что в полемике с ближайшими предшественниками он обратился к «Грамматике Пор-Рояля», где имплицитно содержится представление о такой автономии. Пусть даже эта Грамматика не столь уникальна в своем роде, как это утверждал Н. Хомский, но зато она является хорошим образцом такого подхода.

Идея автономии семантики в последние десятилетия стала одной из основополагающих в лингвистике: без нее семантика как особая дисциплина не могла бы развиваться. И нельзя считать, что ее разделяют лишь комскианцы. Показателен здесь пример советской лингвистики, где по ряду причин хомскианская модель в ее классическом виде почти не разрабатывалась, но идея неоднозначного соответствия между семантическими (глубинными) и формальными (поверхностными) структурами получила значительное развитие. Много сделали для развития этой идеи И. А. Мельчук и его последователи, разрабатывавшие модель «Смысл ↔ Текст». Если их можно считать генеративистами в широком понимании этого термина, то вряд ли сюда может быть причислен, например, А. А. Холодович, который вслед за приводившимися выше словами самокритики пи-

сал: «Теперь мы решительно отказываемся от этой идеи, приняв то более естественное воззрение, согласно которому несколько синтаксических деревьев могут иметь одно и то же значение и что предложению „Он затаянут в нелепый мундир“ семантически абсолютно тождественно предложение „Он затаянут в нелепость мундира“ и даже, разумеется, в японском „Он затаянут в мундир в нелепость“², хотя от второй и третьей синтаксических структур к семантике путь не прямой. Но иначе и быть не может. В противном случае синтаксис просто совпадал бы с семантикой и один из этих терминов оказался бы лишним» [19].

Но такое высказывание прямо перекликается с идеями «Грамматики Пор-Рояля» (речь, конечно, не идет о непосредственном влиянии). Там также говорится о семантическом тождестве формально различных конструкций, путь от которых к семантике может быть более или менее прямым (мы отвлекаемся от того, что в «Грамматике Пор-Рояля» речь чаще идет о морфологии, чем о синтаксисе, и семантика предстает в логической оболочке). Не менее актуальны (не только для хомскианцев) и идеи сочетания в предложении нескольких предикатов (не обязательно обозначенных глаголами), активно развивающиеся в современной лингвистике [21].

Многое в «Грамматике Пор-Рояля» принадлежит истории. Вряд ли какое-либо значение, кроме чисто исторического, может иметь, например, классификация звуков французского языка или глава «О новом способе, облегчающем обучение чтению на разных языках». Однако, как это весьма часто случается, многие идеи книги, пусть даже высказывавшиеся ее авторами попутно и вскользь, оказываются на новом витке развития науки актуальными и плодотворными. Такова «Грамматика Пор-Рояля», и Н. Хомский весьма своевременно привлек к ней внимание лингвистов. Русские издания Грамматики несколько запоздали по сравнению с пиком интереса к ней на Западе, но в то же время прошедшие два с лишним десятилетия показали, что внимание к труду А. Арно и К. Лансло было не случайным. Русские переводы помогут нашему читателю отказаться от предрассудков, все еще связанных с представлениями о «Грамматике Пор-Рояля», и почерпнуть из нее актуальные для нашего времени идеи. И можно только поблагодарить переводчиков и авторов предисловий за осуществленный на высоком научном уровне полезный труд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Общ. ред. с вступ. ст. Степанова Ю. С. М., 1990.
2. Грамматика Пор-Рояля / Отв. ред. Маслов Ю. С. Л., 1991.
3. *Lakoff R.* // *Language*. 1969. V. 45. № 2. Rec.; *Grammaire générale et raisonnée* / Ed. by Brekle H. E. 1—2. Stuttgart, 1966.
4. *Borodina M. A.* *Zagandienia logiki i gramatyki w Grammaire générale et raisonnée Port-Royalu* // *Kwartalnik neofilologiczny*. 1959. T. VI. № 3. S. 236.
5. *Chomsky L.* *Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought*. N. Y.; L. 1966.
6. *Chomsky N.* *Language and mind*. N. Y.; L., 1968.
7. *Хомский Н.* *Язык и мышление*. М., 1972.
8. *Aarsleff H.* *The history of linguistics and professor Chomsky* // *Language*. 1970. V. 46. № 3.
9. *Breckle H. E.* // *Linguistics*. 1969. V. 49. Rec.; *Chomsky N.* *Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought*. N. Y.; L., 1966.
10. *Зевгинцев В. А.* *Предисловие* // *Хомский Н.* *Язык и мышление*. М., 1972.
11. *Mathiesen R.* // *Language*. 1970. V. 46. № 1. Rec.; *Arnault A., Lancelot C.* *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal* / Ed. by Brekle H. P. 1—2. Stuttgart, 1966; Rec.: *Grammaire générale et raisonnée. 1660* by Lancelot C. and Arnault A. Menston 1967; Rec.: *A general and rational grammar. 1753* by Lancelot C. and Arnault A. / Transl. by Nigent T. Menston, 1968; Rec.: *Grammaire générale et raisonnée de Port-*

² Речь идет о дословной передаче древнеяпонской синтаксической конструкции

Royal. Réimpression de l'édition de Paris 1846. Genève, 1968; Rec.: Oeuvre de Messire A. Arnault 1—43. Bruxelles, 1964—1967.

12. *Robins R. H.* A short history of linguistics. Bloomington; London, 1968.
13. *Алпатов В. М.* О сопоставительном изучении лингвистических традиций (К постановке проблемы) // ВЯ. 1990. № 2.
14. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
15. *Иванов А. И., Поливанов Е. Д.* Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
16. *Robins R. H.* Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe with particular reference to modern linguistic doctrine. L., 1951.
17. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
18. *Бокадорова Н. Ю.* Французская лингвистическая традиция XVIII — начала XIX века. Структура знания о языке. М., 1987.
19. *Холодович А. А.* Некоторые вопросы управления в японском языке. Вопросы японского языка. М., 1971. С. 132.
20. *Леонтьев А. А.* Фиктивность «семантического критерия» при определении частей речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965. С. 34.
21. Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985